

Стивен, поправив дужку очков, на мгновение замер, затем взглянул на сидевшего напротив него человека, который держался на удивление прямо и чопорно, и усмехнулся:

— Почему ты так решил?

О том, что он расстался с Брандом, не знал никто. В Танзане все считали, что его отъезд связан с Эйдом, и, в общем-то, так оно и было.

— О, это всего лишь моя догадка, — ответил Фубинь.

Хотя хозяин и лишил род Эйда титула, после того случая он почти перестал интересоваться новостями о Стивене. Даже когда ему приносили донесения, он лишь бегло пролистывал их. А после того как отряд наёмников разросся, вести из Танзана и вовсе перестали достигать Логг-Сити.

Конечно, это было лишь предположением, но Фубинь смутно чувствовал, что между ними, должно быть, произошёл серьёзный разлад. Настолько серьёзный, что Стивен покинул Танзан и даже когда возвращался, не заезжал в поместье, а хозяин почти перестал произносить это имя.

Танзан лишился своей самой яркой краски. Фубинь уже думал, что они больше никогда не встретятся, но вот судьба свела их снова. И, похоже, с хозяином у Стивена по-прежнему были отличные отношения.

— Догадка? — Стивен приподнял бровь и, чуть расслабившись, почувствовал, что прозрачные стёкла вызывают у него лёгкое головокружение. Однако вдаль он видел будто бы чётче, чем раньше. — Мы с Брандом души друг в друге не чаем.

Но рассказывать, в каком именно смысле, этому парню он не станет. А то вдруг тот так и застынет здесь каменным изваянием — будет не смешно.

— Ну ладно, — Фубинь посмотрел на Стивена, который так и не снял очки, и решил, что тот вовсе не выглядит обременённым заботами. Напротив, вид у него был лёгкий и беззаботный.

Как ребёнок, — подобрал подходящее слово Фубинь. — Некоторые малыши из приюта, когда видят его очки, тоже пытаются стащить их поиграть.

— А у тебя что, со зрением беда? — спросил Стивен, поправляя дужку.

При этих словах на лице Фубиня мелькнула тень неловкости:

— Это... возрастное.

Он был так уверен, что его глаза способны читать даже при лунном свете, что не послушался хозяина — и вот, увы, расплачивается за это!

Но признаваться в таком этому наглецу он, разумеется, не собирался.

Стивен с лёгким любопытством посмотрел на его выражение лица, но тут с верхнего этажа донёлся мягкий голос:

— Потише.

Шаги — один взрослый, один маленький — зазвучали на лестнице. Две фигуры спустились вниз, прервав их беседу. Оба собеседника дружно обернулись.

Бранд шёл впереди, ведя за руку Альджера. Мальчик был переодет в чистую мягкую одежду и, судя по всему, чувствовал себя не очень привычно: он не сводил с неё глаз и нервно сжимал ткань пальцами.

Фубинь поднялся им навстречу и, взглянув на парнишку, приветливо улыбнулся:

— Здравствуй. Ты ведь Альджер?

Мальчик с тревогой уставился на него, а затем инстинктивно поднял голову на того, кто держал его за руку.

— Это хозяин приюта. Не бойся, — улыбнулся Стивен, глядя на ребёнка.

Альджер снова повернулся к Фубиню и, чуть помедлив, кивнул:

— Да.

— Просто замечательный ребёнок, — с чувством сказал Фубинь. Он протянул мальчику руку и улыбнулся: — Пойдём со мной в приют? Там много детей твоего возраста. Они будут очень рады познакомиться с тобой.

Альджер всё ещё робел, но, взглянув на Стивена, всё же осторожно вложил свою ладошку в руку Фубиня.

Тот сжал её, ободряюще похлопал малыша по плечу. Стивен разжал пальцы и поднялся. Его взгляд упал на молодого человека, сидевшего в стороне, — тот как раз поправлял очки, пытаясь найти удобное положение.

Яркие рыжие волосы, прозрачные зелёные глаза — от природы дерзкая и поразительно красивая внешность, но золотая оправа приносила в неё неожиданную нотку утончённой элегантности. Хотя линзы и имели диоптрии, шли они Стивену удивительно хорошо.

— Зачем ты это надел? — спросил Стивен, подходя ближе с улыбкой.

Тот водрузил очки на переносицу, взглянул на приближающегося человека и, чуть прищурившись, чтобы подавить головокружение, улыбнулся в ответ:

— В них далеко видно лучше.

— Это же корректирующие линзы. Нельзя просто так их носить, — Стивен приподнял оправу у него на носу и заглянул в непривычно щурящиеся зелёные глаза. — Если долго ходить в них, а потом снять, зрение начнёт подводить.

Стивен моргнул, чувствуя в глазах лёгкую сухость, и снял очки:

— Зато штучка забавная, красивая.

— Хочешь — закажем тебе просто с плоскими стёклами, поиграешься, — Стивен взял их у него из рук и улыбнулся. — А если хочешь смотреть вдаль, лучше взять подзорную трубу — она показывает намного дальше.

Глаза Стивена тут же загорелись, и он мгновенно потерял интерес к очкам:

— Договорились.

— Разве я тебя когда-нибудь обманывал? — рассмеялся Стивен.

Стивен счёл, что этот вопрос стоит ещё обдумать, но всё же поднялся и вернул Фубиню очки, которые вертел в руках добрых полчаса.

Тот принял их, снова надел и, взглянув на Стивена и хозяина, стоявших рядом, сказал:

— Мистер Бранд, я пока отведу его.

— Хорошо. Устрой его как следует, — Стивен подошёл к мальчику, присел на корточки и погладил его по голове. — Альджер, если что-то понадобится — обращай к дяде Фубиню.

Мальчик кивнул. Когда тёплая ладонь убралась с его макушки, он послушно пристроился рядом с этим пока ещё незнакомым человеком и забрался в просторный экипаж.

Ребёнок был устроен. Фубинь же, поправив очки, обернулся и бросил взгляд на булочную, припорошённую снегом. Вспомнилась ему та сцена разговора, свидетелем которой он стал только что: спокойное золото и яркий огонь красного — они смотрелись рядом удивительно гармонично. Когда эти двое были вместе, между ними будто возникала невидимая стена, за которую никто не мог проникнуть. Такое чувство, будто их десятилетняя разлука вовсе не оставила следа, а, напротив, лишь укрепила их связь.

Правда, в этом было что-то неуловимо иное, чем десять лет назад. Фубинь не мог бы точно сказать, что именно изменилось.

Но, наверное, только хозяин и мог совладать с этим невыносимым типом.

Фубинь забрался в экипаж, прикрыл дверцу, выдвинул ящик и достал приготовленные заранее сладости. Протянув их сидящему рядом ребёнку, он участливо спросил:

— Проголодался? Хочешь пирожное?

...

Карета уехала. Стивен, проводив её взглядом, повернулся к человеку, который закрыл за ними дверь и теперь возвращался в дом. Их взгляды встретились. Тот на мгновение задержался, а затем шагнул к нему.

— По-твоему, я правда хороший человек? — Стивен опёрся рукой о спинку кресла, глядя на молодого человека, в глазах которого уже вспыхивали лёгкие искорки смеха.

— М-м-м, — Стивен утвердительно хмыкнул. Он посмотрел на человека, стоявшего совсем близко, положил руку ему на плечо, приоткрыл губы — и был поцелован.

Утренний поцелуй — в нём всегда чувствуется лёгкая трепетность, будто он призван восполнить обещания, не сдержанные прошлой ночью. Он начинается с почти невесомого касания, как тлеющий уголёк, который едва теплится, кажется, вот-вот погаснет. Но постепенно огонь разрастается, становится горячим и жарким, наполняя теплом всю комнату.

Поцелуй прервался. Стивен коснулся лбом его лба и, глядя на зардевшиеся щёки, рассмеялся:

— Прогресс есть. Продолжай в том же духе.

Стивен дышал чуть чаще, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. Он, конечно, не хотел сдаваться, но перед этим человеком был совершенно беззащитен:

— Не беспокойся, я учусь быстро.

Сдаваться — не в его правилах.

Стивен усмехнулся, приподнялся и потрепал его по голове:

— Я слышал слухи об Эндрю. Его наказал посланник ада — всего в крови, увели в темницу.

Такой исход его вполне устраивал, но при упоминании тюрьмы уши Стивена чуть заметно дрогнули:

— Как долго его продержат?

— Около пятнадцати дней, — Стивен уселся напротив за стол, наблюдая за мелькнувшим на лице юноши выражением. — Здесь тюрьма не такая, как в Танзане.

— Знаю, — Стивен взял чашку со сладкой водой, настоящей на сушёных фруктах, и усмехнулся. — Я слышал о ней в Исталь-Сити.

Это была совершенно необычная тюрьма. Поговаривали, что она стоит на земле, как башня, подобная восемнадцати кругам ада. Там нет грязи, луж крови, отрубленных конечностей. Вместо этого стены каждого этажа покрыты резными изображениями адских демонов.

Говорили, что днём они неподвижны, но по ночам начинают понемногу высасывать души заключённых. Там почти не применяют пыток, но людей заставляют беспрестанно трудиться, чтобы искупить свои преступления.

Богачи считали эту тюрьму страшнее любых других — они больше всего боялись угодить после смерти в ад. Бродяги её боялись пуще смерти — они предпочитали замерзнуть на улице, чем попасть под неумолимую трудовую повинность. А для пьяниц она и вовсе была смертным приговором.

Тот, кто установил такие порядки — хозяин Логг-Сити — в слухах и легендах выглядел ещё более загадочным и красочным. Быть может, какие-то люди из Танзана и пересказывали его былые истории, но слухов и домыслов было так много, что правда казалась ещё более неправдоподобной.

Например, то, что он явился в Танзан почти нищим, — люди скорее поверили бы, что свиньи умеют ходить на руках, чем в это.

Впрочем, эта тюрьма, столь пугающая и таинственная для других, на Стивена, давно утратившего веру в богов, не производила особого впечатления. Хотя он всё же встретил божество, но вместо того, чтобы поклоняться ему, он решил соблазнить его — и шаг за шагом приближался к цели.

— Не боишься? — спросил Стивен, помедлив.

— Нет, — Стивен поднялся, собрал со стола тарелки и усмехнулся. — Пойду мыть посуду.

Чего бояться ада? Бранд, конечно, говорит, что он неплохой человек, и не вспоминает о том, что творил в юности, но одного лишь святотатства достаточно, чтобы он угодил прямоком в преисподнюю.

И что с того? Он ни разу не пожалел о своём решении.

Стивен проводил взглядом фигуру, скрывшуюся на кухне, поднялся и подкинул в камин ещё несколько поленьев.

Зимы в Логг-Сити всегда выдавались снежные, с пронизывающими морскими ветрами, невыносимо холодные. В такую погоду никто не хотел выходить из дома.

Стивен выплеснул из кувшина горячую воду, вышел из кухни и увидел того, кто сидел на мягкой скамье, укрывшись пледом, и смотрел в книгу.

Он взглянул на витрину, подошёл и сел на подлокотник, встретив поднятый на него взгляд мужчины, и услышал мягкий вопрос:

— Хочешь присесть?

— Твоя лавка ещё не открыта, — напомнил Стивен.

Небо за окном было хмурым, снег валил непрерывно, но новый день уже наступил.

— А, забыл, — мужчина чуть сдвинул плед. Стивен уже думал, что тот встанет, но тот без колебаний выдал: — Сегодня выходной.

— Бонни уже испекла хлеб, — уголок глаза у Стивена дёрнулся. Ему показалось, что мужчина сейчас выглядит как ленивый кот, особенно когда Мими одним прыжком запрыгнула ему на ноги и зевнула.

— Значит, продадим к вечеру — всё разойдётся мигом, — Стивен взглянул на его недоверчивое лицо, откинул плед и похлопал по месту рядом с собой. — Не хочешь присесть?

За его спиной были мягкие подушки, на сиденье — толстый тёплый коврик, в камине весело плясало пламя. Место выглядело более чем уютным.

Но дело было не в уюте. Скамья, хоть и крепкая и широкая, для двоих мужчин могла оказаться тесновата.

Стивен вздрогнул от острого желания, но изо всех сил попытался устоять перед дьявольским искушением:

— Я лучше пойду повешу табличку «Закрито».

— Не стоит. В такую погоду всё равно никто не придёт, — Стивен улыбнулся. — Да и если повесишь, читать всё равно никто не умеет.

Идеальный, безупречный довод.

Адамово яблоко Стивена дрогнуло. Внутри него ликовало и рвалось на волю радостное создание, готовое разрушить хлипкую клетку самоконтроля.

— Если боишься, что будет тесно, можешь сесть вон там, — Стивен указал на другой конец скамьи, заметив сомнение в глазах юноши. В следующее мгновение тот, не раздумывая, уселся рядом с ним.

— И что там интересного? — Стивен повернул к нему голову.

Он же не только ради тепла сюда сел.

— Я тоже так думаю, — Стивен приподнялся и, протянув руки, притянул к себе сидевшего рядом юношу в объятия.

Жар его тела мгновенно передался Стивену — он вздрогнул. Сердце забилось где-то у самого горла, мысли спутались, лицо залило румянцем, но он отчётливо чувствовал горячее дыхание за спиной и тепло рук, обнимавших его.

Чёрт... ну как у него это получается?

А сопротивление было почти нулевым. Как это ни досадно, но в эту минуту Стивен и хотел сбежать, и одновременно безумно наслаждался этим объятием.

— И что дальше? — Стивен повернул голову, чувствуя чужое дыхание у своего уха, и сбился с ритма.

— Хочешь почитать? — Стивен обнял чуть напряжённое тело и тихо спросил.

Он не собирался ничего большего. Просто юноша, смущённый и застенчивый, так не вязался со своим обычным дерзким видом, что это было до крайности забавно.

Людам всегда нравится быть чьим-то единственным и исключительным. Стивен не стремился к этому намеренно, но когда понимал, что это *так* — настроение неизменно поднималось.

— «Приключения маленького котёнка»? — уши Стивена дрогнули. Он задержал дыхание и чуть откинулся назад, чувствуя, как объятия сжимаются крепче, а сердце колотится так сильно, что уже не унять.

— Это Фубинь написал для детей, — Стивен улыбнулся. — Я просто взял пролистать. Написано забавно.

— Мими собирает армию котов против полёвок? — Стивен приподнял бровь.

— Ты успел пролистать страниц пятнадцать, — Стивен посмотрел на его застывший взгляд и рассмеялся. — Не страшно, я тоже люблю такое.

Стивен опустил глаза и ничего не ответил. Как бы своевольным он ни был, он был вполне взрослым человеком.

— Ты много узнал за эти годы, — Стивен наклонился и натянул на них обоих плед. — Если не хочешь читать, расскажи мне о том, что было. В ту ночь ты рассказал слишком мало.

Его голос звучал невероятно мягко, с низкой хрипотцой, будто исходившей из самой груди. Окутывая слух, он щекотал душу и заставлял хотеть приблизиться ещё, получить ещё немного этой нежности.

— С чего же начать... — сердце Стивена снова забилося теплом, но вдруг успокоилось. Точно такое же чувство он испытывал каждый раз, когда видел что-то новое и думал об этом человеке: радость, восторг, и в душе больше не было пустоты.

— Начни с первого места, куда ты отправился после отъезда, — предложил Стивен.

— Тогда... — Стивен машинально сжал пальцы, лежавшие у него на поясе.

Десять лет — это долгий срок. Многие воспоминания казались историями из другого мира. Многое изменилось. Но сама разлука словно случилась вчера.

Он полюбил человека, узнал огромную тайну, удостоился божественной милости — и потерял её. То, что он называл бегством, было скорее поиском свободы и собственной жизни.

Когда он уехал из Танзана, патрульные для него перестали быть угрозой. А та страна — всего лишь одна из многих. По сравнению с теми городами и государствами, что он повидал, она была... не сказать чтобы маленькой, скорее, ничем не примечательной.

Вот, какие гордые слова. Но разве боги не так же смотрят на людей?

— Сначала я отправился в королевство Рола, — Стивен откинулся на его грудь с улыбкой. Что касается Эйда... тот не стоил того, чтобы тратить на него слова. — Говорят, там поймали грифона и пытались приручить.

— Того самого, которого ты ранил? — спросил Стивен.

— Я тоже надеялся, но, увы, — Стивен цокнул языком. — Это был здоровенный зверь. Гораздо больше того, с которым я столкнулся. Тело как у взрослого льва, говорят, он легко мог поднять человека в воздух.

— Говорят? — переспросил Стивен.

— Потому что у него, кроме головы и крыльев орла, есть ещё и орлиная гордость, — пояснил Стивен. — Их очень трудно приручить. Тогда никто не справился, поэтому цена на него была низкой.

Вот оно. Низкая цена — вот что главное.

Стивен усмехнулся:

— Ты тоже не смог его приручить?

Стивен чуть повернулся к нему и, к своему удивлению, не заметил в его глазах ни тени насмешки:

— Ты так высоко меня ценишь?

— Всё-таки ты тот самый авантюрист, который на второй встрече заподозрил, что я не человек, — Стивен улыбнулся. — Конечно, это впечатляет.

Стивен прищурился:

— Но ведь ты заметил мои подозрения ещё тогда — это впечатляет не меньше.

— Спасибо, — Стивен чуть коснулся губами его щеки.

За десять лет этот парень ни капли не научился скромности. Стивен чуть приподнял уголки губ:

— На чём я остановился?

— На том, что ты тоже не приручил грифона, — напомнил Стивен.

— Потому что мне это было ни к чему. Летать я не собирался, — Стивен постучал пальцем по книге, и его голос чуть изменился.

Правда, тогда он хоть и бежал довольно легко, но слишком распускаться не мог. Подолгу на одном месте не задерживался.

— Правда не хотел? — тихо спросил Стивен.

Стивен запнулся, прокашлялся:

— В небе-то опасно.

Если бы просто лошадь понесла — он бы легко с неё соскочил. Но если грифон в воздухе перевернётся и рухнет вниз — от него останется только мокрое место. Крыльев-то у него нет.

А быть легендарным драконьим всадником дано не каждому.

— Да уж, безопасностью там не пахнет, — согласился Стивен. — А дальше?

Если его собеседник упомянул об этом, скорее всего, дело как-то касалось возможности заработать золото.

— А потом, перед отъездом, я наткнулся на того самого, которого когда-то ранил. Злопамятная тварь, — Стивен почесал подбородок и усмехнулся. — Но лучше бы он не попадался. Когда попался — я его скрутил и продал обратно королевству Рола.

— И сколько выручил? — спросил Стивен, глядя на его приподнятые уголки губ.

— Пятьсот золотых, — Стивен не глядя скинул с ног сапоги, слегка повернулся и, глядя на собеседника, усмехнулся. — Угадай, почему.

Стивен, глядя на его весело поблёскивающие глаза, задумался:

— Они хотели сделать из них пару?

— Ты удивительно сообразителен, — Стивен поднял руку и потрепал его по щеке, в глазах его светилось одобрение. — Они не могли его приручить, вот и думали: если вывести детёнышей, растить их с детства будет легче.

— У них получилось? — спросил Стивен.

— Думаю, нет. Потому что оба оказались самками, — Стивен усмехнулся. — Но, поскольку самцов не было, сложно понять, какими признаками должен обладать самец.

— Если бы самец был, они бы откладывали яйца или рожали детёнышей? — Стивен не особенно интересовался делами королевства Рола. Если те люди хотели выращивать зверей, они бы не ограничились парой грифонов.

Но Стивен задумался над этим вопросом. С одной стороны — птица, но у неё тело зверя; с другой — зверь, но у него крылья и клюв, как у орла.

Вопрос был нешуточный. Стивен нахмурился в раздумьях:

— Наверное, мне стоило тогда задержаться там подольше. У Фубиня в книге про грифонов ничего нет?

— Про грифонов есть, но детёнышей наёмникам вряд ли удаётся увидеть, — Стивен посмотрел на задумавшегося юношу и улыбнулся. — Похоже, тебе придётся ещё раз навестить этих созданий.

— Отличная мысль, — Стивен с лёгкостью вынырнул из размышлений.

В вопросах, оставшихся без ответа, есть своя прелесть. Сам процесс познания приносит удовольствие — и сожалеть тут не о чем.

— Королевство Рола — очень оживлённое место. Если бы ты открыл там свою лавку, точно озолотился бы, — сказал Стивен, вспоминая те края.

— По сравнению с Исталь-Сити? — тихо спросил Стивен.

— По-другому. В Роле сильнее военная мощь... — и Стивен начал рассказывать о том, что видел там.

Он был и в столице, и в деревнях, и в лесах. Каждое путешествие оставило в памяти яркие и

живые впечатления: одежда, культура, еда.

Снаружи бесшумно падал снег, наращивая новый слой поверх старого. Кое-где с крыш сбрасывали тяжёлые пласты — они шумно падали на сугробы, вызывая случайные возгласы прохожих, но этот холод и суета не проникали внутрь уютной, тёплой комнаты.

Казалось, здесь, в этом тихом уголке, их отделили от всего мира. Но их разговоры уносили в разные страны, в разные времена года — то пронизанные теплом, то полные опасностей. И с каждой минутой двое собеседников становились всё ближе, чем раньше.

А когда тот, кто держал его в объятиях, встал, чтобы подбросить дров в камин, и подал ему воды, Стивен приподнялся и с удивлением понял, что всё это время он совершенно развалился на руках у этого человека.

Сладкая тёплая вода сняла сухость с губ, но не утихомирила бушующее внутри волнение. Он поставил кружку, поднял глаза и приблизился — его тут же накрыл поцелуй, а руки на поясе сжались сильнее. Сердце, пропитанное нежностью, вновь забило в унисон.

Золотистые глаза были совсем близко, в них плясали улыбчивые искорки, они, казалось, видели его насквозь. Сильные руки прижимали к себе, а рядом трещал камин — и хотелось в этом томительном поцелуе просто раствориться в его объятиях.

Их страстная близость, казалось, раскаляла воздух. Даже Тоша, дремавший на подлокотнике, прикрыл лапой глаза Мими — чтобы не развращать котёнка.

В народе говорят: сытый и согретый — захочет плотской любви. Одного тепла мало. Обед, наконец, разлучил двоих, и в доме запахло готовкой.

Хотя зимой свежих овощей было мало, выручали бобы, сушёные грибы и репа, которая добавляла пикантности жареному мясу. Белый рис и поджаренное до золотистой корочки яйцо дополняли картину. Счастье и удовлетворение, которые дарил этот обед, были просто невыразимы.

Одно было плохо: усидеть в доме целое утро оказалось для Стивена почти пределом.

Ночь — это другое дело. Но если провести весь день взаперти, казалось, что этот день просто выпадает из жизни.

Но как раз когда он раздумывал, не выйти ли ему на прогулку, из кухни донёсся вопрос:

— Хочешь пройтись?

Стивен перестал вытирать тарелку и обернулся на улыбающегося в дверях человека:

— Конечно.

Выходя, конечно, нужно было надеть плащ и накидку. Стивен уже собирался натянуть свою, но в руки ему легла другая.

— Надень эту. Она из шерсти — согреет лучше твоей, — сказал Стивен, глядя на его вопросительный взгляд.

— Колючая, — заметил Стивен, потрогав грубоватую, но очень плотную ткань.

— Шерсть она и есть шерсть. Но внутри подкладка — ушей не натрёт, — улыбнулся Стивен.

— Хм, — Стивен оглядел вещь в руках, отбросил свою и накинул эту.

Она была намного тяжелее его собственной, но действительно тёплой. Едва надев, он уже почувствовал, как начинают выступать капли пота.

Впрочем, жара поубавилось, как только они вышли за дверь — один за другим.

Снег, который шёл всё утро, не унимался. Толстый слой замел все следы, приподняв улицу почти на пару ладоней. Хлопья кружились, и когда дверь закрылась, они тотчас покрыли поля шляпы и капюшона, охладив горячую кожу.

— Не замёрзнешь? — спросил Стивен, глядя на юношу, шагнувшего в сугроб.

— Ф-ф, — Стивен выдохнул пар, положил руку на эфес меча и улыбнулся. — Нет, в этой куртке куда теплее, чем в моей. Спасибо.

Он вообще-то не боялся холода. Даже в такую зиму он благодаря своей выносливости мог разогреться, просто подвигавшись. Но эта одежда защищала даже от того первого, самого резкого, порыва стужи.

— Не за что, — Стивен ступил на скрипучий наст и посмотрел на яркие глаза под низким, хмурым небом. — Куда хочешь пойти?

— Да куда угодно, — Стивен улыбнулся. — Пойдём — куда ноги приведут.

Стивен слегка кивнул и направился по главной улице.

В такой снегопад прохожих на улице было немало — все куда-то спешили. Булочная Бранда, возможно, и не пользовалась бешеной популярностью, но Стивена знали многие. Прохожие то и дело здоровались с ним.

— Господин Бранд, выходите?

— Да.

— А это кто с вами? — иногда задерживались на человеке в широком капюшоне.

— Мой друг, Стивен, — улыбался Стивен в ответ.

Но на этом разговоры и заканчивались. Среди снегопада хруст шагов казался удивительно тихим.

— Я думал, ты в холода не очень любишь выходить, — Стивен взглянул на лавки, у которых было полно покупателей, и обернулся к спутнику.

Булочные, ткацкие, даже мясные и колбасные — везде было полно народу. Только лавка специй казалась пустоватой.

И всё же этот город даже в снегопад жил своей размеренной жизнью. Лишь его хозяин был каким-то вялым.

— Если целыми днями только есть и спать — тело тяжелеет, — Стивен посмотрел на юношу и улыбнулся. — Если бы я так жил, ты увидел бы меня в два раза больше, чем десять лет назад.

Стивен на миг представил это и невольно фыркнул, а потом, склонив голову набок, задумчиво спросил:

— А тебе тоже нужно об этом думать? Как обычному человеку?

Он знал, что если есть слишком много мёда и вина, не двигаясь, можно сильно растолстеть. Танзанские аристократы и купцы служили тому прекрасным примером. Но его это не касалось — он сжигал всё съеденное с лихвой.

А вот Бранд — аристократ среди аристократов. И хотя ел он не слишком много, учитывая его зимний образ жизни ленивого кота, Стивен думал, что такую статью он сохраняет, возможно, благодаря божественной силе.

— Особой разницы нет, — улыбнулся Стивен, видя сомнение на лице собеседника.

— Тогда... не возникает дискомфорта? — Стивен нахмурился.

Быть человеком, жить по-человечески среди людей, без магии телепортации и изменений, делать всё своими руками — и обладать лишь долголетием. Это не похоже на явление божества, скорее на его испытание.

Как если бы птице сломали крылья — для птицы это было бы мучительно неудобно.

— Нет, — улыбнулся Стивен. — Напротив, это очень приятное состояние.

Это значит — *жить*. Он действительно чувствовал, что жив, а не просто влачит бесконечное, бессмысленное существование.

Стивен не совсем понимал. Если бы он обладал силой, но был ограничен, он бы только и думал, как избавиться от этих уз и вернуть свою мощь. Бессилие — это отвратительно.

Но Бранд находился в ином положении. Возможно, то, через что он прошёл, было для Стивена пока непостижимо. Может, однажды он поймёт, может, нет. Но Бранд — это Бранд:

— Сила у тебя при этом немаленькая.

— Думаю, это просто изначально хорошая основа, — ответил Стивен после раздумья.

Хотя он и был человеком, он попал в этот мир в собственном теле. Когда тело адаптировалось к правилам маленького мира, большая часть его силы оказалась запечатана, но и физическая форма тоже изменилась, чтобы избежать неразрешимых кризисов.

Стивен мысленно перевёл это как «божественное тело», хотя оно, по-видимому, имело ничуть не меньше ограничений, чем человеческое. Но всё же это было божественное тело...

— А если мы целуемся, я получаю часть твоей силы? — спросил Стивен, немного подумав.

Стивен не удивился такому вопросу:

— Увы, нет.

— Тяжело тебе приходится, — Стивен похлопал его по плечу.

Таким божеством он бы не согласился быть и дня.

Стивен уловил в его взгляде тень сочувствия и рассмеялся:

— Ничего страшного.

— Я могу чем-то помочь? — Стивен приблизился, заглянув ему в глаза.

Стивен на мгновение замер, посмотрел на этот встревоженный зелёный взгляд и улыбнулся:

— Не нужно. Взгляни на меня — по сравнению с большинством людей я живу неплохо.

— Хм, — Стивен вынужден был согласиться. Этот тип не только умел зарабатывать, но и умел наслаждаться жизнью. — Знаешь, мне кажется, у других лавок в такую погоду покупателей полно.

Не откроешься — никто и не зайдёт.

— Не важно. Все эти лавки — мои, — Стивен усмехнулся и пошёл дальше, но, заметив, что спутник застыл на месте и смотрит на него странным, смешанным взглядом, остановился.

— Все эти лавки? Все до одной? — Стивен оглянулся на него, припоминая все витрины, которые видел по пути. Двери и узоры на них действительно были очень похожи.

Стивен посмотрел на его удивлённое лицо и улыбнулся:

— Только сами здания. Я не веду торговлю во всех.

— То есть часть принадлежит тебе? — Стивену это казалось одновременно реальным и нелепым.

Он думал, что уже оценил состояние Бранда по достоинству, но оказалось — недооценил.

У того была не просто целая улица домов, но в большинстве из них торговля велась под его контролем.

Какое колоссальное богатство! Стивен даже не мог себе представить: одна только эта главная улица, наверное, стоила больше десяти тысяч золотых.

А ведь она вела в Дазак-Сити — путь, который даже на лошади занимал день-два. Одни затраты на строительство были невообразимы.

Для человека, который никогда в жизни не видел целых десяти тысяч золотых, это был оглушительный, совершенно реальный удар.

— Я думал, ты давно знаешь, — Стивен подошёл к нему, застывшему на месте в смятении и растерянности.

Хотя он владел не только этой улицей, но и семьюдесятью процентами всей недвижимости Логг-Сити.

— Просто только сейчас это осознал по-настоящему, — Стивен глубоко вдохнул, глядя на приближающегося человека, и вздохнул. — Если бы я при первой встрече увидел тебя в короне, в окружении свиты, я бы сейчас не так удивился.

А не так, как сейчас — когда только на пуговице ворота одиноко поблёскивает скромный изумруд. Пусть ткань дорогая, фигура высокая, прямая и в то же время изящная, но прятать сокровище за обычной одеждой — совсем не то же самое, что выставить его напоказ.

— Если бы я предстал в таком виде, ты бы только мельком взглянул из толпы и ушёл, — Стивен взял его за руку, свисавшую вдоль тела.

Даже в таком ветре ладонь его была сухой и горячей. Стивен встретил его мягкий взгляд, сжал его пальцы в ответ и вынужден был признать, что тот прав.

Если бы он явился как хозяин Логг-Сити, Стивен действительно спрятался бы в толпе и лишь бросил взгляд. Такой Бранд был бы от него бесконечно далёк. Как бы высоко Стивен себя ни ценил, он был лишь человеком. Он мог стремиться к тому, до чего мог дотянуться. Слишком высокие цели — это просто самонадеянность.

И именно потому, что Бранд жил человеческой жизнью, Стивен осмелился протянуть к нему руку.

Если бы тот восседал на пьедестале — Стивен развернулся бы и ушёл.

— Ты отлично меня понимаешь, — Стивен улыбнулся. И то болезненное чувство, которое навяло видение бесконечных богатств, уже рассеялось.

Он всё ещё испытывал странное, почти нереальное ощущение от состояния Бранда. Ведь сам он никогда не видел в глаза целых десяти тысяч золотых, но теперь ему казалось, что даже эти несметные сокровища не так уж и важны. Они не имели к нему отношения — и в то же время имели, потому что относились к самому Бранду.

— Потому что ты ничуть не изменился, — улыбнулся Стивен.

Стивен посмотрел на него. Грудь снова начала ныть. Он прикусил губу, отвел взгляд и усмехнулся:

— Помнишь, я всё ещё должен тебе десять тысяч золотых? Но с моими теперешними средствами к весне я смогу отдать только три тысячи.

Он, кстати, приехал в Логг-Сити в том числе и поэтому. Конечно, Бранду, возможно, всё равно, но у Стивена пока не было десяти тысяч. Однако это не значило, что можно закрыть на это глаза, просто потому что другому всё равно.

Стивен задумался на мгновение, а затем, взглянув на молодого человека, улыбнулся:

— Этот долг можно не возвращать.

Стивен прищурился, вглядываясь в его лицо:

— Ты что, забыл, что я тебе должен?

Десять тысяч золотых — и забыл! Сколько же у него вообще денег?

Взгляд Стивена дрогнул. Он погладил юношу по макушке и усмехнулся:

— Нет, просто в тот год, когда меня посвятили в рыцари, граф Алайн уже вернул мне эти десять тысяч.

Стивен застыл на месте:

— Вернул?

— Вызволить невинного для графа не такая уж сложная задача, — улыбнулся Стивен. — Это дело давно закрыто. Не думай больше об этих деньгах.

Стивен посмотрел на его улыбку, что-то дрогнуло в его взгляде, и он чуть отвернулся.

Этот человек всегда говорил легко и уклончиво. Для графа это, может, и просто, но для тогдашнего Бранда было непросто. Граф Алайн вернул деньги лишь потому, что Бранд приложил к этому достаточно усилий и был ему полезен — более полезен, чем десять тысяч золотых. Вот тогда граф и вернул долг.

Та ночная суeta, та отчаянная помощь — их не отменить возвратом монет.

— Ты что, считаешь меня дураком? — Стивен, вспомнив об этом, поднял на него глаза.

— Я считаю, что если однажды я окажусь в беде, ты так же самоотверженно придёшь мне на помощь, — Стивен взглянул в его растроганные глаза и улыбнулся. — Между нами не стоит так уж считать.

Стивен моргнул, в груди у него всё перевернулось, и он рассмеялся:

— Ах ты, хитрый Бранд.

Он всегда так легко переворачивал его душу вверх дном.

— Благодарю за комплимент, — улыбнулся Стивен.

— Я хочу тебя обнять, — на этот раз Стивен не стал шутить по поводу его нескромности. Сейчас ему было мало простого касания рук. Ему хотелось быть ближе.

Глаза Стивена потеплели. Он разжал его пальцы и развёл руки:

— Тогда давай обнимемся.

— Нас увидят, — сказал Стивен, но всё же не сдержался и шагнул к нему ещё ближе.

— Не страшно. Ты в капюшоне — никто не разглядит, — Стивен обнял приблизившегося юношу и прижал к себе. Тот ответил ещё более крепкими объятиями, прильнув к нему всем телом.

<http://bllate.org/book/18299/1786498>